

УДК 93

**Взаимодействие научного сообщества физиков Сибири
и власти в первое послевоенное десятилетие
(на примере Томского научно-образовательного комплекса)**

Александр Николаевич Сорокин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Россия
634050, г. Томск, просп. Ленина, 36
Кандидат исторических наук
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы зарождения и развития научного сообщества физиков Сибири в конце XIX – середине XX вв. Особое внимание уделено проблеме взаимоотношений ученых-физиков вузов и НИИ г. Томска с властью. Выявлены и проанализированы причины, ход и итоги идеолого-научных кампаний, затронувших томских физиков. Рассмотрена общественно-политическая ситуация в Томском научно-образовательном комплексе, определена роль партийных организаций вузов, НИИ, города и области в научно-исследовательской и преподавательской деятельности ученых-физиков.

Ключевые слова: научное сообщество; физика; власть; Сибирь; Томский научно-образовательный комплекс; идеолого-научные кампании.

Введение. Первое послевоенное десятилетие характеризуется громкими политическими кампаниями, которые напрямую затронули научное сообщество физиков страны в целом и Томского научно-образовательного комплекса в частности. При этом следует отметить, что в Томске политические процессы протекали со своей спецификой, обусловленной как вполне объективными пространственно-временными причинами, так и сугубо местными факторами. Несмотря на инерционный характер, они представляют не меньший интерес для исследования не только роли и места большой политики в большой науке, но и внутренней логики развития местного научного социума. Томск, являясь в силу ряда исторически сложившихся обстоятельств одним из ведущих научных центров Сибири, был к столице «ближе», нежели другие региональные центры, а томские физики всегда были в русле всех новейших веяний и течений в отношениях с властью [1, с. 141].

Кампании, начавшиеся в физике практически сразу же после окончания войны, несмотря на новую идеологическую начинку (борьба с космополитизмом вместо борьбы с врагами народа и вредителями в 30-е гг.), имели прежнее предметное облачение – формализм и физический идеализм. Физический идеализм (вынесенный из ленинского "Материализма и эмпириокритицизма") был поднят на щит после философской дискуссии о книге академика Г.Ф. Александрова "История западноевропейской философии", состоявшейся в июне 1947 г. [2, с. 122]. Под удар кампании попал ряд отечественных ученых (вроде академика Л.И. Мандельштама). Что касается томских физиков и прежде всего СФТИ, то они оказались абсолютно вне удара [1, с. 141].

Отголоски столичных дискуссий, давших старт сразу нескольким параллельным кампаниям, докатились до Томска и других региональных центров страны после поворотного для советской физики Всесоюзного совещания физиков 1949 г., обозначившего два направления борьбы – идеализм и космополитизм (в рабологии перед Западом был обвинен многолетний покровитель В.Д. Кузнецова академик А.Ф. Иоффе) [3, с. 206–207].

Широкое привлечение в физику философии для борьбы с враждебными течениями, инициированное А.А. Ждановым, нашло свое отражение в Томске. В.Д. Кузнецовым совместно с достаточно крупным философом, специалистом по онтологии и теории познания, В.П. Копниным была написана полемическая статья «О партийности в физике». Опираясь, естественно, на работы Маркса–Энгельса–Ленина–Сталина, В.Д. Кузнецов уязвляет буржуазную науку, обедненную, по его мнению, отсутствием у нее передового метода диалектического материализма [4, л. 8]. Наиболее, наверное, тяжелой приметой того

времени было то, что сейчас трудно определить, являлось ли это здоровой критикой, облаченной в соответствующие политическому климату одежды, либо же нападками на конкурентов в форме реверанса в сторону власти: «Когда В.Д. Кузнецов читает теоретические статьи по пластическим деформациям, написанные специалистами по прикладной математике и механике, то у него появляется такое чувство, как будто он попадает в мир не настоящих твердых тел, а в мир каких-то заменителей... Он полагает, что моделирование явлений с диалектической точки зрения не является правильным и может привести к ложному представлению о сущности этих явлений. На ряде примеров он показывает неправильность моделирования» [4, 10–11].

Коснулась томских физиков и печально известная сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина (ВАСХНИЛ) 1948 г., практически похоронившая советскую генетику. В докладе, посвященном двадцатилетнему юбилею СФТИ, В.Д. Кузнецов не упустил случая сравнить передовую советскую физику с «мичуринским преобразованием природы» и попутно заклеить «вейсманизм-морганизм» [5, л. 7–8]. Он стал участником кампаний по борьбе с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом» [1, с. 143]. В 1947 г. на специальном закрытом партсобрании сотрудников ТГУ В.Д. Кузнецов выступил с докладом, посвященным делу профессоров Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина (знаменитому как Дело «КР»)¹. В нем, помимо всего прочего, он обвиняет в преклонении перед Западом своего университетского учителя И.И. Боргмана, ориентировавшегося исключительно на работы английских физиков.

В этой связи «предметной» стала статья-отклик В.Д. Кузнецова на статью в «Литературной газете» профессора Г. Шаумяна «На коленях перед Тейлором» – «Пора прекратить коленопреклонение перед Тейлором». В.Д. Кузнецов, будучи специалистом по резанию металлов, поддерживает своего столичного коллегу против именитого американца. Следует отметить, что книга Тейлора «Искусство резать металл», изданная в 1909 г., устарела еще в 1944 г. к моменту выхода третьего тома «Физики твердого тела» (авторы В.Д. Кузнецов, М.А. Большанина). В.Д. Кузнецов сам это признает: критика Тейлора была вполне по существу, но жар полемики, за давностью лет, был совершенно искусственен [6, л. 17].

Все эти процессы, как проходившие в центре, так и их проекции на периферии, помимо очевидной негативной стороны, имели и еще одну – объективно необходимое самопознание отечественной культуры. Дискуссии о проблемах самодостаточности советской науки, ее возможности/необходимости связей с Западом по-прежнему имеют полное право на свое продолжение – до сих пор весьма спорной остается сама природа феномена науки в закрытом обществе. «Участие» В.Д. Кузнецова в идеолого-научных кампаниях было проблемой нравственного выбора. Он мог с полным на то основанием видеть успех «своей» физики в неразрывной связи с существующим строем. Главным же здесь явилось то, что события тех лет не заставили его самого поступиться чем-то существенным для себя и своего дела и не затронули напрямую людей, его окружавших. В целом томская физика изначально формировалась как автономное (в плане проблематики и методологии исследований) относительно заграницы явление. В то же время слишком зыбкой оказалась грань между признанием приоритета и интересов отечественной науки и далеко не научным обликом научного «патриотизма».

Значительный интерес для понимания природы взаимоотношений научного сообщества физиков с властью представляют, помимо идеолого-научных кампаний, общественная и партийная составляющие. Учитывая специфику послевоенного периода, а также систему идеологического контроля, особое значение придавалось повышению энтузиазма и личному участию каждого в деле восстановления и дальнейшего успешного развития государства, общественно-политической работе. При этом степень участия в данной работе непременно оценивалась и учитывалась при избрании по конкурсу, защите диссертаций и присвоении ученых званий, повышении по службе [7, с. 74–75].

Организатором и руководителем всей общественно-политической и научно-исследовательской деятельности ученых-физиков являлись партийные организации вузов,

¹ Дело Ключевой-Роскина – один из эпизодов идеологической кампании по борьбе с «преклонением перед Западом» (1947), началом которого послужили обвинения профессоров-биологов Г.И. Роскина (1892–1964) и Н.Г. Ключевой (1898–1971) в передаче США разработок противоракового препарата. Это «дело» считается рубежом, за которым наука в СССР оказалась вовлеченной в «холодную войну».

города и области. В первое послевоенное десятилетие работа партийных организаций была направлена на улучшение качества подготовки специалистов, расширение фронта научных исследований, усиление помощи народному хозяйству, на улучшение научной и материально-технической базы исследований. Кроме того, партийные организации внимательно следили за настроениями в среде научной интеллигенции. Все политически «неблагонадежные» стояли на особом учете. Так, в 1940–1950-х гг. в списках преподавателей, имевшихся в соответствующих органах, существовала чистая графа «для пометок». Имелись они и в «особом (первом) отделе» университета. В число «неблагонадежных» автоматически попадали состоявшие ранее в других партиях (бундовцы, эсеры, кадеты и т.д.), служившие в царской или белой армии, имевшие родственников или бывавшие сами за границей. Обязательно указывалось, подвергался ли человек или его близкие родственники репрессиям. На особом учете стояли немцы, выходцы из республик Прибалтики и некоторые другие национальности [7, с. 78–79].

Важное место в работе партийных организаций занимала политико-воспитательная работа с учеными, ведение которой поручалось в качестве общественной нагрузки коммунистам. Так, для сотрудников СФТИ устраивались теоретические и методологические семинары, посвященные актуальным проблемам внутренней политики партии и советского государства, международного положения СССР, мирового рабочего и коммунистического движения и т.д. Такого рода семинары проводились регулярно, и за ходом и содержанием их работы осуществлялся тщательный контроль со стороны партийных организаций. Отчеты секретарей партийных организаций и ответственных за их проведение регулярно заслушивались на заседаниях партбюро (парткома) вузов. Нередко принимались оргвыводы вплоть до объявления партийных взысканий. Так, в марте 1957 г. на парткоме ТГУ слушался вопрос «О недостатках в проведении теоретического собеседования на кафедре радиофизики 4 марта 1957 года». Парторг кафедры радиофизики П.П. Бирюлин был подвергнут критике за то, что он «вместо того, чтобы дать правильное направление обсуждению докладов (обсуждались итоги работы VIII съезда Коммунистической партии Китая, VI сессии Верховного Совета СССР и Февральского 1957 г. пленума Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза) сам выступил с политически вредным заявлением по поводу национально-освободительного движения в Египте, повторив, по сути дела, клеветнические заявления идеологов англо-французского империализма о роли Насера в борьбе за независимость народов среднего Востока». В итоге «за безответственное отношение к руководству политучебой» П.П. Бирюлину был объявлен выговор и его освободили от работы парторга кафедры [7, с. 77].

Нередко парторганизация СФТИ затрагивала и личную жизнь сотрудников, особенно тогда, когда рассматривались персональные дела коммунистов. Так, например, на заседании партийного собрания СФТИ 9 января 1957 г. обсуждалось персональное дело семьи коммунистов Киреевых. Оба супруга были связаны с СФТИ и университетом: М.А. Киреев являлся аспирантом ТГУ, а Э.К. Киреева – научным сотрудником СФТИ. Для разбирательства данного дела была создана специальная комиссия в составе ведущих сотрудников СФТИ В.Д. Кузнецова, В.Н. Кессениха, М.А. Кривова и В.П. Вяткина [8, л. 1–4]. Комиссией были выявлены неполадки в семье Киреевых, проявлением которых были ссоры, а также подозрения в применении рукоприкладства М.А. Киреева по отношению к своей жене. Все это вело к развалу брака. В ходе заседания, на котором присутствовало 39 человек, были детально рассмотрены все стороны данного дела, в результате чего пришли к выводу, что в сложившейся ситуации виноваты оба супруга. Не будь оба супруга коммунистами, вполне вероятно, что их дело даже не рассматривалось бы, тем более при участии дирекции СФТИ на специально собранном собрании. И главная проблема заключалась не в проблеме личных взаимоотношений супруг Киреевых, а в недостойном для коммунистов поведении. В связи с этим предлагались довольно жесткие меры наказания вплоть до исключения М.А. Киреева из аспирантуры. Однако большинством голосов членов партсобрания с формулировкой «за аморальное поведение, которое приводило к семейным ссорам и вызвало развал семьи» решили, А.М. Кирееву объявить строгий выговор с занесением в личное дело, а Э.К. Киреевой поставить на вид [8, л. 4].

На протяжении всего рассматриваемого периода ученые-физики выполняли большую общественную работу, их участие носило разный характер. Так, в послевоенное десятилетие преподаватели и сотрудники помогали преодолеть последствия войны не только подготовкой специалистов, но и непосредственным участием в восстановлении учебных

корпусов, освобожденных от оборонного завода и госпиталей. Наряду с этим, их привлекали к сельскохозяйственным и строительным работам, благоустройству города: во второй половине 1940-х гг. они участвовали в строительстве первой трамвайной линии в городе (Томск-1 – площадь Батенькова), а в 1960-х гг. – строительстве троллейбусной линии. Отвлечения на сельскохозяйственные работы были постоянным явлением. Помимо этого, вуз шефствовал над некоторыми колхозами и МТС. Так, в 1953 г. ректоратом и партбюро ТГУ были созданы специальные шефские комиссии по оказанию помощи Асиновской машинно-тракторной станции (МТС) и колхозу «Путь к коммунизму». Помощь носила научный, технический и культурно-массовый характер. В дальнейшем шефство университета приняло широкие масштабы. Университет шефствовал над инструментальным, электроламповым и химическим заводами, над городской типографией, над двумя детскими садами и несколькими школами [9, с. 261].

Начиная с 1947 г., особенно много внимания уделялось участию ученых и преподавателей, в частности физиков, томских вузов и НИИ в распространении политических и научных знаний. 7–10 июля 1947 г. состоялось учредительное собрание «Общества по распространению политических и научных знаний» (в 1963 г. было переименовано в общество «Знание»). Среди членов Общества были профессора и доценты всех вузов Томска. Долгое время правление возглавлял академик Академии медицинских наук СССР, ректор ТМИ И.В. Торопцев, затем директор научно-исследовательского института ядерной физики при Томском политехническом институте А.Н. Диденко, затем – Г.А. Месяц [7, с. 74–75].

При этом число общественных нагрузок, возложенных на отдельных профессоров и доцентов, было весьма внушительно. Так, например, профессор радиофизического факультета В.Н. Кессених входил в состав совета Научной библиотеки ТГУ и был его председателем. Наряду с этим он был членом редколлегии журнала «Известия вузов. Физика», являлся членом Всесоюзного научного совета по радиофизике Академии наук СССР, членом Совета ионосферной службы при НИИ Земного магнетизма Главного управления метеорологической службы Совета Министров СССР, руководителем секции распространения радиоволн Всесоюзного научно-технического общества радиотехники и электросвязи (ВНТОРиЭ) им. А.С. Попова, членом комиссии по координации научно-исследовательских работ по проблеме «Радиофизика и радиоастрономия» при научно-техническом совете Министерства высшего и среднего специального образования СССР, членом Советского национального объединения историков естествознания и техники. Кроме того, он вел большую работу по программе Международного геофизического года и Международного года спокойного Солнца [7, с. 87].

Признанием заслуг и свидетельством благосклонного отношения власти к научным сотрудникам и профессорско-преподавательскому составу вузов и НИИ г. Томска было награждение правительственными наградами и присвоение почетных званий. Так, почетного звания «Заслуженный деятель науки РСФСР» в 1957 г. была удостоена профессор М.А. Большанина. Одним из самых отмеченных советской властью ученых СФТИ рассматриваемого периода был профессор В.Д. Кузнецов. Академик, «Заслуженный деятель науки РСФСР», лауреат Сталинской премии II ст., Герой Социалистического труда, он избирался также депутатом советских представительных органов вплоть до депутата Верховного Совета РСФСР [10, с. 215–223].

С другой стороны, большая общественная нагрузка, безусловно, зачастую служила препятствием для успешного выполнения учеными-физиками научно-исследовательской работы. В первую очередь, это касалось аспирантов и молодых научных сотрудников вузов и НИИ г. Томска, которых чаще остальных привлекали к общественно-политической работе. Директор СФТИ В.Д. Кузнецов справедливо заметил по этому поводу: «Аспиранты – будущие доценты и профессора, смена и пополнение высококвалифицированных специалистов. Казалось бы, что к аспирантам следует проявлять большую заботу и бережное отношение и стараться, чтобы они все время занимались наукой. В университете отношение к аспирантам удивительное. Аспиранты все время используются не по назначению. То их посылают на пригородное хозяйство, то на сенокос, на уборку овощей, то ставят на ремонт или дают различные хозяйственные поручения» [3, с. 202–203].

В.Д. Кузнецову также принадлежит меткое выражение, характеризующее то, что происходило на многочисленных заседаниях и собраниях, как «заседательская суетня». По его мнению, чрезмерная общественная нагрузка отражалась на выполнении основной

работы профессорско-преподавательского состава – качестве лекций и научных исследований. Характерно, что в словах В.Д. Кузнецова не содержалась критика ни к самой власти в целом, а только к одному из ее проявлений – отвлечению людей интеллектуального труда от их непосредственного занятия [7, с. 88].

Заключение. Таким образом, по сравнению с довоенным периодом произошло значительное «потепление» отношений интеллигенции в лице научного сообщества физиков Томска и власти. В целом же томские физики лояльно относились к власти, искренне верили в идеалы социализма. Многие представители научного сообщества физиков Сибири были фронтовиками, вступили на фронте в ВКП(б) и не представляли общественного строя лучше социализма, тем более, что после восстановления разрушенного войной хозяйства страны стали явными успехи – создание атомной бомбы, запуск искусственного спутника и первого космонавта на орбиту, стабильная заработная плата и достойная жизнь. Свидетельством этому становится увеличение в количественном и процентном отношении членов партии среди ученых и преподавателей. Признанием заслуг преподавателей стали государственные награды и присвоение почетных званий. Проводившиеся в стране идеологические кампании и следовавшие за ними репрессии не приобрели размаха довоенных – в 1937 и 1938 гг.

Примечания:

1. Костерев А.Г. Научная биография академика В.Д. Кузнецова: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2008. 215 с.
2. Сонин А.С. Разгром "физического идеализма" (об одной философской дискуссии) // Вестник РАН. 1990. Т.60, № 8.
3. Сорокин А.Н. Сибирский физико-технический институт имени академика В.Д. Кузнецова: история создания и деятельности в 1920-е гг. – 1991 г.: Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2012. 348 с.
4. Кузнецов В.Д., Копнин В.П. О партийности в физике // Государственный архив Томской области. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 524.
5. Кузнецов В.Д. Двадцать лет Сибирскому физико-техническому институту // Государственный архив Томской области. Ф. Р-1638. Оп. 1. Д. 90. Л. 7-8.
6. Кузнецов В.Д. Пора прекратить коленипреклонение перед Тейлором // Государственный архив Томской области. Ф. Р-1562. Оп. 1. Д. 516.
7. Петров К.В. Профессорско-преподавательский корпус Томского университета (1945–1980): Дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 235 с.
8. Протокол № 2 а партийного собрания СФТИ от 8 января 1957 г. Л. 1–4 // Архив музея истории Томского государственного университета.
9. Томский университет. 1880–1980 / Под ред. М.Е. Плотниковой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1980. 431 с.
10. Профессора Томского университета: биографический словарь в 4 т. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998. Т. 2. 544 с.

Транслитерация:

1. Kosterev A.G. Nauchnaya biografiya akademika V.D. Kuznetsova: Dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2008. 215 s.
2. Sonin A.S. Razgrom "fizicheskogo idealizma" (ob odnoi filosofskoi diskussii) // Vestnik RAN. 1990. T.60, № 8.
3. Sorokin A.N. Sibirskii fiziko-tekhnicheskii institut imeni akademika V.D. Kuznetsova: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti v 1920-e gg. – 1991 g.: Dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2012. 348 s.
4. Kuznetsov V.D., Kopnin V.P. O partiinosti v fizike // Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. R-1562. Op. 1. D. 524.
5. Kuznetsov V.D. Dvadsat' let Sibirskomu fiziko-tekhnicheskomu institutu // Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. R-1638. Op. 1. D. 90. L. 7-8.
6. Kuznetsov V.D. Pora prekratit' kolenopreklonenie pered Teilorom // Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti. F. R-1562. Op. 1. D. 516.
7. Petrov K.V. Professorsko-prepodavatel'skii korpus Tomskogo universiteta (1945–1980): Dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2004. 235 s.
8. Protokol № 2 a partiinogo sobraniya SFTI ot 8 yanvarya 1957 g. L. 1–4 // Arkhiv muzeya istorii Tomskogo gosudarstvennogo universiteta.
9. Tomskii universitet. 1880–1980 / Pod red. M.E. Plotnikovoi. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1980. 431 s.
10. Professora Tomskogo universiteta: biograficheskii slovar'yu V 4 t. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 1998. T. 2. 544 s.

**Interaction of Academic Community of Siberian Physicists
with Authorities in the First Post-war Decade
(Tomsk Scientific and Educational Park Case Study)**

Alexander N. Sorokin

National Research Tomsk State University,
National Research Tomsk Polytechnic University. Russia
634050 Tomsk, pr. Lenin, 36
PhD in History
E-mail: salexhist@mail2000.ru

Abstract. Author analyzes the main stages of the generation and development of the scientific community of physicists in Siberia at the end of XIX – the mid XX centuries. Particular attention is given to the relationship physicists Tomsk's universities and research institutes with authority. Identified and analyzed the causes, course and results of the ideological and scientific campaigns had affected Tomsk physicists. Author consider the socio-political situation in the Tomsk scientific-educational complex, defined the role of party organizations of universities, research institutes, the city and region in the research and teaching activities of physicists.

Keywords: scientific community; physics; power; Siberia; Tomsk scientific-educational complex; the ideological and scientific campaign.